

ШЕСТЬ МЕЛОДИЙ ДЛЯ ШЭНА

Когда китайскую классическую поэзию сравнивают с деревом в полном цвету и плодах, особенно в пору её расцвета, в эпоху Тан, когда творили Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй, Бо Цзюй-и и многие-многие другие замечательные поэты, то при этом непременно добавляют, что корни этого прекрасного дерева – в поэзии древней Книги Песен. По-китайски она называется «Ши цзин». Более точно, это Канон Песен, потому что иероглиф *цзин* обозначает не любую книгу, а ту, что стала каноном в своём жанре.

Книга Песен создана безымянными творцами в 11–6 вв. до н.э., хотя в ней, по-видимому, встречаются и более древние тексты. Согласно традиции, Книгу Песен составил сам Конфуций. Чтобы Вы могли увидеть, как Конфуций оценивал «Ши цзин», я приведу три цитаты из «Лунь Юя» – «Беседы и суждения» Конфуция.

17-ая глава, 9-ый параграф: *Учитель сказал: "Молодые люди, почему вы не изучаете «Ши цзин»? «Ши цзин» может вдохновить, расширить кругозор, сблизить с другими людьми, научить, как сдерживать свое недовольство. [Из него узнаешь], как надо дома служить отцу, а вне дома – государю, а также названия животных, птиц, трав и деревьев".*

13-ая глава, 5-ый параграф: *Учитель сказал: "Хотя он и прочитал триста стихотворений «Ши цзин», если ему передать [дела] управления государством, он не справится с ними. Если его послать в соседние страны, он не сможет самостоятельно отвечать на вопросы. Какая польза от того, что он столько прочитал?"*

Казалось бы, эти два суждения противоречат друг другу, но это противоречие вполне разрешается в третьем суждении:

2-ая глава, 2-ой параграф: *Учитель сказал: "Если выразить одной фразой смысл трехсот стихов «Ши цзин», то можно сказать, что в них нет порочных мыслей".*

300 – столько стихотворений Конфуций отобрал из 3-х тысяч известных в его время. 300 – это округлённое число. На самом деле их 305 или 311 – смотря как считать. Дело в том, что в дошедшем до нас тексте 6 песен имеют только названия – каждое из двух иероглифов, и приписку о том, что это мелодия для шэна.

Шэн – это очень древний музыкальный инструмент, сохранившийся и до нашего времени. Он состоит из резонатора, который раньше делали из тыквы, бамбуковых трубок и медных язычков. В начале XIX века этот инструмент послужил прототипом для изобретения фисгармонии и аккордеона.

Мне захотелось написать эти недостающие 6 песен «Ши цзин». Как оказалось, я был не первый, кто поставил себе такую странную задачу. Первым и, насколько я смог узнать, до меня единственным был некто Шу Си. Этот человек жил в эпоху Западная Цзинь во второй половине третьего века нашей эры; это сразу после знаменитой эпохи Троецарствия, описанной в одноимённом классическом романе Ло Гуань-чжуна. Шу Си был тем, кого по-китайски называли вэньжэньхуа: учёный, литератор, чиновник – стандартное сочетание для китайцев. Мы знаем о нём не очень много.

В книге «Цзинь шу» – «История государства Западная Цзинь» есть 51-ая глава, которая содержит жизнеописание Шу Си. В частности, там написано, что он входил в группу учёных, возглавлявшихся Сюнь Сюем, которая впервые изучала и упорядочивала знаменитые древнекитайские тексты, которые были написаны на бамбуковых планках и обнаружены не то в 279-ом, не то в 281-ом году, когда грабители вскрыли гробницу одного из правителей восточнотанского царства Вэй, умершего в 3-ем веке до н.э.: не то Сян-вана, не то Ань-ли-вана. Этих бамбуковых планок было несколько десятков повозок. Там были «Го Юй» – «Речи царств», «И Цзин» – «Книга Перемен», и много других, в том числе уже утраченных к нашему времени. Один из этих текстов, ранее неизвестный, получил название «Бамбуковых анналов». Недавно он издан в переводе на русский язык.

Про Шу Си говорят, что он был не лишён юмора. Мне удалось найти работу Дэвида Кнехтгеса из Вашингтонского университета, которая называется «ПОСТЕПЕННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЦАРСТВО НАСЛАЖДЕНИЯ: ЕДА И НАПИТКИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ». И вот там я обнаружил наполовину пересказ, наполовину выдержки из поэмы Шу Си, которая называется «РАПСОДИЯ О МАКАРОННЫХ ИЗДЕЛИЯХ». Это красочный поэтический рассказ о том, как готовят и едят пельмени и клёцки, родиной которых, как известно, является Китай.

6 стихотворений, которые Шу Си написал, восполняя «Ши цзин», дошли до нашего времени, но мне не удалось найти их переводов на русский или хотя бы английский языки. Я пытался понять их с помощью словаря, но удалось уловить только самый общий смысл, и то не до конца. Вообще-то я это делал уже после того, как написал свой вариант, чтобы не поддаваться влиянию.

Сочинение подобных стихотворений очень отличается от написания обычных стихов. Мне кажется, это даже больше похоже на работу учёного, историка и текстолога, или переводчика, хотя я никогда переводами не занимался. Но и тут странность: ведь оригинала-то, с которого надо переводить, нет. Нужно было написать такие стихи, которые могли бы быть написаны 3 тысячи лет назад. Точнее, поскольку я пишу по-русски, а «Ши цзин» написан по-китайски, мои стихи должны были выглядеть как русские переводы китайских стихов, утерянных 3 тысячи лет назад.

Прежде всего, нужно было, как писали про Шу Си, «проникнуться духом этой поэзии».

Во-вторых, приходилось довольно сильно ограничивать себя в словарном запасе: а было ли в эпоху Чжоу, тем более, ещё раньше, в эпоху Шан, то или иное слово? Конечно, это касалось не столько самих слов, сколько значений слов, тех реалий, вещей, ситуаций, которые словами выражаются. Чтобы написать такие стихи, нужно было хоть как-то изучить ту эпоху китайской древности, чтобы не наделать совсем уж неприличных ляпов, типа «развесистой клюквы».

Наконец, я старался следовать чисто формальным особенностям поэзии Книги Песен. Прежде всего, это рифма. Я, честно говоря, не очень люблю сплошь зарифмованные стихи. Мне больше нравится, когда рифма появляется изредка, что даёт больший поэтический эффект, или когда она звучит периодически, как бы рефреном. Ещё Маяковский жаловался, что в русской поэзии почти все рифмы уже испробованы, правда, сам умел иногда находить рифмы необычайные. Но тут мне пришлось рифмовать. «Ши цзин» уникален тем, что его стихи оснащены рифмой на тысячу лет раньше любого другого памятника мировой поэзии. Более того, это не случайно вкрапленная в текст рифма, а строгая система рифм, неразрывно связанная с архитектурой строки и всего стихотворения. Эти рифмы в наше время восстановлены, об этом позаботились ещё ханьские учёные во 2-ом веке до н.э., когда звучание иероглифов не сильно отличалось от древнего. Сегодня мы уже не знаем, как эти иероглифы звучали, поэтому, зная рифмы, мы не знаем ритмический рисунок стихов. Известно лишь, что это была вовсе не примитивная, а очень правильная, подчас сложная и строго выдержанная ритмика.

Китайский иероглиф звучит, как правило, как один слог, но соответствует целому слову или даже словосочетанию в русском, да и вообще, европейском языке. Стих «Ши цзина» – это, как правило, 4 иероглифа. Мне показалось, что лучше всего этому соответствуют четыре стопы силлаботоники. Я выбрал трёхсложные размеры, потому что у них, если можно так выразиться, большая «ёмкость»; ямбом или хореем выразить ту же мысль или образ было бы гораздо сложнее, или потребовалось бы большее число стоп. Я использовал все три размера: амфибрахий, дактиль и анапест – ровно по 2 стихотворения на каждый. Этой математической закономерностью я как бы хотел соответствовать китайской древности. Тогда тексты создавались не просто как последовательность слов-иероглифов, а как своего рода математические системы. Важно было общее число знаков в книге, число глав и знаков в каждой главе, число иероглифов в строке, точнее, в столбце, потому что китайцы писали не слева направо, а сверху вниз. Так создавалась пространственно-числовая структура, имевшая символический смысл. Недаром считается, что в Китае в

основе философии, науки, литературы и искусства лежит одна и та же логическая и методологическая основа, которую называют «Наукой и символах и числах» или просто «Китайской нумерологией».

Ещё одной характерной особенностью «Ши цзин» является параллелизм, доходящий до последних мелочей. Известно, что параллелизм и впоследствии был изощрённейшим и любимейшим литературным приёмом в Китае. Но тексты Книги Песен – не просто стихотворения, это именно песни, которые полагалось петь, как, впрочем, и все древние стихотворения всех народов. А в песнях параллелизм, рефрен – это, можно сказать, обязательный приём. Параллелизм в «Ши цзине» – не просто повтор строк, здесь создаётся сложный рисунок, когда, повторяясь, строка в то же время варьируется, меняются отдельные слова.

Отсутствующие стихотворения Книги Песен относятся к разделу «СЯО Я» – Малые Оды. Мне кажется, что когда-то тексты этих песен входили в корпус Книги. За это говорит тот факт, что Малые Оды состоят из 8 подразделов ровно по 10 песен в каждом. Если убрать эти шесть «песен без текста», то 1-ый раздел содержал бы 9 песен, а второй – только 5. Стихи Малых Од не такие вольные, как в первом большом разделе «ГО ФЫН» – «Нравы царств», в них больше пафоса, но всё же меньше, чем в последующих разделах «ДА Я» – «Великие Оды» и, тем более, «СУН» – «Гимны». Я старался учитывать этот уровень пафоса в своих стихах.

Ну вот, я пожаловался на те сложности, с которыми мне пришлось столкнуться. А теперь сами стихи.

Первое стихотворение называется **НАНЬ ГАЙ – «ЮЖНАЯ ТЕРРАСА»**. Так переводятся два иероглифа стоящие в названии отсутствующей 10-ой песни 1-го раздела Малых Од.

В стихотворении как бы воспроизводится диалог советника, пытающегося предостеречь царя. Но царь отмахивается от этих предупреждений, в результате чего всё кончается трагически. Драконы и фениксы – это известный в Китае символ императорской власти: дракон – это император, а феникс – императрица. Их изображения и сейчас можно увидеть в Пекине в Запретном городе в мужских и женских покоях.

ЮЖНАЯ ТЕРРАСА.

Малые оды 1-10. 南陔(NAN GAI)(НАНЬ ГАЙ).

30 строк. 4-стопный амфибрахий

1

На Южной террасе гора за спиной,
До самого неба восходит стеной.
От Южной террасы посмотришь на юг:
Квадраты земли и небес полукруг.
Чего нам бояться? Здесь мир и покой.
Лишь птица кричит, улетая домой.

2

Там птица летит, возвращаясь домой,
В туманные дали за жёлтой рекой.
Как птица летит нарастающий звук,
Услышь боевых колесниц перестук.
Чего нам бояться? Здесь мир и покой.
Лишь облако мирное над головой.

3

Там облако жирное над головой,
Грозится водою оно дождевой.
Из облака тёмного струи скользят,
Боюсь, то не воды, а стрелы летят.
Чего нам бояться? Здесь мир и покой.
Покрыты шатры золотою парчой.

4

Накрыты столы ярко-алой парчой,
Уставлены густо вином и едой.
Накрыты столы, пей вино и молчи.
Боюсь, то не кубки звенят, а мечи.
Чего нам бояться? Здесь мир и покой.
Драконы и фениксы дружат с тобой.

5

Драконов и фениксов кружится рой
И падает замертво вместе со мной.
Драконов и фениксов алая кровь
По каменной лестнице падает в ров.
В живых не осталось души ни одной.
На Южной террасе и мир и покой.

Второе стихотворение – это 1-ое стихотворение 2-го раздела Малых Од. Оно называется **БАЙ ХУА**. Обычно это переводят как «Белый цветок», но также можно перевести как – «**БЕЛЫЙ ЦВЕТ**», под которым имеется в виду цвет дерева, когда мы говорим «яблонь цвет», «цвет вишен» и т.п.

Смысл стихотворения прост: радушный хозяин встречает гостей и гуляет с ними всю ночь. Я поясню только названия музыкальных инструментов.

Ну, **колокола** – это понятно, это один из любимейших инструментов в древности. Двенадцать тонов хроматического звукоряда соответствовали звучанию двенадцати колоколов, которые имели свои имена и наделялись магическими свойствами. Китайцы всё любят классифицировать, звуки тоже. Например, раскатистый звук – это звук, исходящий из верхней части колокола.

Глиняный сюнь – это глиняная окарина – один из древнейших духовых музыкальных инструментов Китая, род свистковой флейты. Археологи говорят, что около 8 тыс. лет назад глиняный сюнь использовался во время охоты. По легенде, сюнь берет начало от так называемых «каменных метеоритов», из которых люди изготавливали орудия для охоты. Когда железные или каменные «метеорные тела» летели по воздуху к Земле, они издавали какой-то звук, напоминающий гудение, шипение или свист. Люди заинтересовались этим явлением и попытались трубить во фрагменты метеоритов. Так появились каменные и железные свистульки. Позже их стали делать из глины, они использовались для ловли зверей. В эпоху Шан (XVII-XI вв. до н.э.) сюнь вытачивали из камня, костей животных и слоновой кости. В эпоху Чжоу (XI в.-256 г. до н. э.) сюнь стал значимым духовным инструментом в составе китайского оркестра.

О **шэне** я уже говорил.

Семиструнный цинь – это, так называемый, древний цинь, гуцинь. Согласно преданию, гуцинь создан в доисторические времена, а в

эпоху Чжоу уже был широко распространён. Гуцинь, возможно, обладает самой богатой палитрой звучания среди всех известных в мире музыкальных инструментов: он имеет свыше 100 обертонов. В трактате Чэнь Яна «О музыке» (эпоха Сун: 960-1197 гг.) сказано: «Игра на гуцине – квинтэссенция всех видов музыкального искусства». Искусство игры на гуцине признано ЮНЕСКО шедевром фольклорного и нематериального наследия человечества.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ.

Малые оды 2-1. 白華(ВАИ НУА)(БАЙ ХУА)

48 строк, 4-стопный дактиль

1

Белого цвета так много в саду,
Сливы так пышно цветут.
Гости ко мне по тропинке идут,
Я им навстречу иду.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Мы будем петь и плясать!

2

Белого цвета так много вокруг,
Даже тропинка бела.
Гости ударили в колокола,
Что за раскатистый звук!
Праздник весёлый сегодня у нас,
Мы будем петь и плясать!

3

Белого цвета прекрасен полёт,
С веток на землю летит.
Глиняный сюн и рычит и гудит,
Шэн благородный поёт.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Мы будем петь и плясать!

4

Белого цвета прозрачно вино,
Я наливаю гостям.
Жирного мяса на белых костях
Много ведь припасено.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Мы будем пить и гулять!

5

В белого цвета прозрачных шелках
Девушки в пышных цветах.
Гости мои восхищаются: Ах!
Блеск на румяных щеках.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Мы будем пить и гулять!

6

Белого цвета цветы не видны
В этот полуночный час.
Цинь семиструнный тихонько угас
В звуках ночной тишины.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Ночью не будем мы спать!

7

Белого цвета давно уже нет,
Тени ночные тихи.
Гости напевно читают стихи,
Я напеваю в ответ.
Праздник весёлый сегодня у нас,
Ночью не будем мы спать!

8

Белого цвета так много в саду,
Сливы так пышно цветут.
Гости мои на рассвете уснут,
Я на рассвете усну.
Праздник весёлый вчера был у нас,
Будем теперь отдыхать...

Третье стихотворение – это следующее, 2-ое стихотворение 2-го раздела Малых Од. Оно называется ХУА ШУ – «ЦВЕТУЩЕЕ ПРОСО». Оно написано от лица девушки, которой не разрешают выйти замуж за того, кого она любит.

Нужно сказать, что в «Ши цзине» довольно много песен написано от лица женщины. Правда, почти все они сосредоточены в 1-ом разделе «Нравы царств»: их там 65 из 160, то есть 41%, а если учесть ещё 25 песен, в которых женщина главный персонаж, то получится уже больше половины – 56%. В Малых Одах из 74 песен только 8 ведутся от лица женщины, и еще в одной говорится о женщине, то есть проценты много меньше: 11 и 12. Написав 6 недостающих песен, я только одну из них веду от лица женщины; получается, соответственно, 9 и 10 песен из 80, то есть сохраняется то же процентное соотношение 11 и 12. Будь я китайцем, для меня это было бы очень важно.

При сочинении этой песни мне пришлось много интересного узнать о просе. До этого я как-то не очень представлял, что это такое, где и как оно растёт. Теперь я знаю, что просо обыкновенное родом из Китая и Монголии, где оно возделывалось уже в 5-м тысячелетии до н.э. Знаю, как оно выглядит, как оно растёт, какие у него метёлки, что листья его краснеют ближе к созреванию, что есть много разновидностей проса и, в частности, чёрное просо, у которого в одной оболочке два зерна.

ЦВЕТУЩЕЕ ПРОСО.

Малые оды 2-2. 華黍(HUA SHU)(ХУА ШУ)

30 строк, 4-стопный амфибрахий

1

Цветущее просо обильно и густо,
 На листьях повисла роса.
 Ты мимо идёшь, ты отводишь глаза.
 Мне это обидно и грустно.
 Твоею супругой мне быть не велят.

«Ему ты не пара», – так все говорят.

2

Цветущее просо обильно и густо,

Метёлки качаются в ряд.

Ты мимо проходишь, ты встрече не рад.

Мне это обидно и грустно.

Твоею супругой мне быть не велят.

«Ему ты не пара», – так все говорят.

3

Цветущее просо обильно и густо,

Листва покраснела уже.

К кому ты идёшь по соседней меже?

Мне это обидно и грустно.

Твоею супругой мне быть не велят.

«Ему ты не пара», – так все говорят.

4

Созревшее просо обильно и густо,

Пора урожай собирать.

Ты мимо идёшь... Не могу я сказать,

Как это обидно и грустно!

Твоею супругой мне быть не велят.

«Ему ты не пара», – так все говорят.

5

Вот чёрное просо обильно и густо,

Из двух половинок зерно,

По парам, по парам разбито оно.

Как это обидно и грустно!

Твоею супругой мне быть не велят.

«Ему ты не пара», – так все говорят.

Четвёртое стихотворение – это 4-ое стихотворение 2-го раздела Малых Од. Оно называется **Ю ГЭН**, что можно перевести как «Начиная с гэн». Гэн – это циклический знак, один из десяти небесных стволос, или пней. Мы уже привыкли к китайскому 60-летнему календарю, в котором каждый год обозначается двумя циклическими знаками: одним небесным стволом и одной из двенадцати земных ветвей. Но в древние времена, по крайней мере, до эпохи Чжоу циклические знаки использовались для обозначения только дней, но не годов. Неделя была десятидневной.

Я назвал своё стихотворение «**ДЕНЬ ГЭН-ШЭНЬ**» – 57-ой день 60-дневного цикла. Этот день считается днём кары за грехи. В даосском сочинении "Тайшан саньши чжунцзин" ("Средний канон трех [духов] тела Высшего Верховного") сказано: *«В животе у каждого человека обитают три [духа] тела... Каждый раз, в день гэн-шэнь они отправляются с докладом к Небесному императору; у них зафиксированы все проступки человека, и они подробно обо всем докладывают, желая, чтобы человек не числился более в списках живущих, чтобы срок лет его сократился, желая человеку скорейшей смерти... По виду эти духи похожи на маленьких детей, а бывает, [принимают] вид лошадок, покрытых шерстью длиной в два цуня. После смерти человека [духи тела] выходят на свободу и становятся гуй – душой умершего, по виду такой же, как человек был при жизни, одетой в обычное платье... В день гэн-шэнь [люди] всю ночь не смыкают глаз, сторожа [духов тела], и даже больные стараются делать вид, что нисколько не дремлют, тогда духи эти не могут сделать доклад Небесному императору».*

Ну, лошадок с шерстью в два цуня оставим на совести сочинителя.

В моём стихотворении пересказываются эпизоды из жизни императора династии Инь-Шан У-дина, сына императора Сяо-и. После смерти он получил храмовое имя Гао Цзун – «Высокий предок». Это был один из самых выдающихся правителей древности. Согласно традиции время его правления было временем хозяйственного подъёма в стране и укрепления политической мощи государства, он присоединил к своей державе ряд новых территорий, о чём говорят сохранившиеся надписи на гадательных

костях и панцирях черепах. У-дин – это первый император Китая, имя которого упоминается в современных ему надписях.

Одна такая надпись была сделана на бронзовом сосуде, сохранившемся до наших дней. Там сказано: *«В день гэн-шэнь, новый император У-дин пошел к восточным воротам города, приветствовать восходящее солнце. Вечером того же самого дня, он приказал министру Ху поставить пять человек гружёных каури, принести дары с обычными подношениями, в знак благодарности за отпечатки ног и рук покойного императора Сяо-и, которые были замечены в наследственном храме, пять раз, в течение 16-ти месяцев траура. Этот сосуд был отлит и помещен в святилище, дабы отпраздновать этот факт».*

Событие это произошло в 1273 г. до н.э. по традиционной хронологии.

Ракушки каури были одной из первых разновидностей денег. Нитка каури с пятью или десятью раковинами была основной денежной единицей в эпоху Инь-Шан. Каури обладали особой ценностью из-за большой удаленности столица царства Инь-Шан от тихоокеанского побережья, где их собирали.

В книге «ГО ЮЙ» – «Речи царств», написанной в 4-3 веках до н.э., говорится: *«...император У-дин сумел настолько возвысить свои добродетели, что стал общаться с мудрыми духами. Он сначала переехал в излучину реки [Хуанхэ], а из излучины реки направился в Бо, где в течение трех лет молчал, обдумывая пути управления народом. Его молчание тревожило сановников, которые сказали: «Ван говорит, чтобы отдавать приказы, если же он не говорит, приказы не от кого получать». Тогда У-дин написал: «Управляя четырьмя сторонами света, я боюсь, что мои добродетели недостаточны, поэтому я не говорю».* Город Бо был первой столицей царства Шан, но ко времени У-дина это был уже, скорее, культовый центр. Бошэ – переводится как жертвенник земле в Бо. А столица была перенесена в город Иньсюй в районе современного города Аньян, где в наше время обнаружено древнее городище.

Сыма Цянь в своих «Исторических записках» писал в 1-м веке до н.э.:

«[Однажды] император У-дин принес жертвы [духу] Чэн-тана [основателю династии Инь-Шан]. На следующий день прилетел фазан, который сел на ушко треножника и закричал. У-дин испугался. Цзу-цзи сказал: «Вы, государь, не печальтесь, а, прежде всего, совершенствуйте дела управления». И далее, поучая правителя, продолжал: «Ведь Небо следит за тем, как те, кто внизу, соблюдают свой долг, и ниспосылает годы длинные и недлинные. [Следовательно], не Небо губит людей и прерывает их жизнь. [Когда же] народ не следует добродетелям и не повинуется наказаниям, тогда Небо ниспосылает свою волю, выправляя его поведение, и говорит ему, как поступать. О! Государь, наследуя [власть], должен почитать народ и не отвергать установления Неба, должен приносить обычные жертвоприношения и не совершать неположённых обрядов». У-дин усовершенствовал управление, творил добро, и Поднебесная вся радовалась, а добродетели [дома] Инь вновь расцвели».

И ещё Сыма Цянь пишет:

«[Однажды] ночью У-дин увидел во сне, что он нашел мудреца по имени Юэ. [Помня] увиденное во сне, он осмотрел своих приближенных и чиновников, но никто из них не походил на Юэ. Тогда У-дин приказал чиновникам принять меры и найти мудреца вне столицы. Юэ нашли в Фусяни. В это время Юэ как колодник работал в Фусяни на строительстве. Когда Юэ показали У-дину, У-дин сказал, что это он и есть. Найдя Юэ и поговорив с ним, [У-дин понял], что это действительно мудрый человек, и выдвинул его, сделав первым помощником. [С этих пор] иньское государство стало хорошо управляться, и по названию местности Фусянь Юэ дали фамилию, назвав его Фу Юэ».

В книге «ГО ЮЙ» написано, что У-дин обратился к Фу Юэ с такими словами: «Считайте, что я металл, а Вы – точило, считайте, что я переправа, а Вы – лодка, считайте, что я засуха, а Вы – затяжной дождь. Откройте Ваше сердце и увлажните меня. [Помните], если лекарство не вызывает сердцебиения и потемнения в глазах, болезнь не проходит, если босой идёт по дороге и не видим что на земле, он поранит ногу». Иными словами, критикуйте и наставляйте меня, как бы мне это не было неприятно.

Здесь я должен сделать важное замечание. Многие современные учёные считают позднейшей чжоусской выдумкой все эти рассказы об изучении У-дином жизни народа, о поисках мудреца, чтобы сделать его своим советником, о следовании установлениям Неба, о совершенствовании императором своих добродетелей и почитании народа, дабы правильно управлять страной. Считается, что эта идеология была характерна для эпохи Чжоу. Так чжоусцы оправдывали переход власти к ним от их предшественников иньцев, изобретя специально для этого идею мандата Неба, который может как даваться правителям, так и отбираться у них в пользу более добродетельных сменщиков. В конце эпохи Чжоу эта идеология была зафиксирована Конфуцием в его философии, а в эпоху Хань была систематизирована и положена в основу государственности Китая. Считается, что во времена Инь-Шан правители были попроще, и не пытались оправдывать свои действиями добродетелями, интересами народа и ссылками на веления Неба. Мне кажется, что всё это может быть и правда, но песни «Ши цзин», описывающие события эпохи Инь-Шан вполне могли быть сочинены не современниками этих событий, а гораздо позже, в эпоху Чжоу.

ДЕНЬ ГЭН-ШЕНЬ.

Малые оды 2-4. 由庚(YOU GENG)(Ю ГЭН)

38 строк, 4-стопный анапест

1

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, что в наследственном храме царей
Появились следы чьих-то рук и ступней.
Даже в древности было подобное редко.
Говорят, это знак благосклонности предков.

2

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, что с утра у восточных ворот
Император приветствовал солнца восход.
Он велел пятерых человек отобрать,

Нагрузить их каури и в храм отослать.

3

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, император три года молчит,
Только слушает то, что народ говорит.
Он покинул столицу, уехал в Бошэ.
Говорят, что печаль у него на душе.

4

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, что, взлетев на треножник, фазан
Так кричал, словно жертву отвергнул Чэн-тан.
Император в испуге: наверное, он
Добродетелей нужных для царства лишён.

5

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, император увидел во сне
Человека, чья мудрость послужит стране.
День за днём посылает гонца за гонцом,
Чтоб нашли человека с похожим лицом.

6

День гэн-шень отошел, успокоились духи.
А по царству Инь-Шан расползаются слухи.
Говорят, кто в Фусяне в колодках страдал,
Императору первым советником стал.
Что ни день, то он мудрый совет подаёт.
И страна процветает, доволен народ.

7

День гэн-шень наступил, и возносятся духи
Небесам доносить эти славные слухи.

У-дин правил целых 59 лет! По традиционной хронологии с 1324 по 1265 год, а по современной хронологии с 1250 по 1192 г. до н. э.

Пятое стихотворение – это 6-ое стихотворение 2-го раздела Малых Од. Оно называется «**ЧУН ЦЮ**» – «Величественный холм» или «**ВЫСОКИЙ ХОЛМ**». Такие холмы насыпали в связи с какими-то важными событиями, на этих холмах приносили жертвы Небу.

В особых случаях жертвенный холм насыпался землёю пяти цветов: на западной стороне жертвенника полагалось насыпать белую землю, на северной стороне – черную, на востоке – зелёную, на юге – красную. Сверху же укладывался слой желтой земли – символ правителя.

Кроме цвета, с каждой стороной света в Китае связывают одну из пяти стихий и божественного покровителя: запад – это металл и Белый Тигр, север – вода и Черепаха со змеёй, восток – дерево и Зелёный Дракон, юг – огонь и Красный Феникс. Центр – это земля, в смысле почва, и императорский Желтый Дракон с пятью когтями на лапах, он же был символом власти над всем миром.

В «Чжоу шу» – «Книге царства Чжоу», созданной до эпохи Хань, то есть до 2 века до н.э., говорится, что возле такого холма *чжухоу* (это можно перевести как «владельцы князья» или «местные правители») получали инвеституру из рук Сына Неба. Император, даруя князю владение, вручал ему горсть земли, символизировавшую по цвету ту часть Поднебесной, куда отправлялся князь. Прибыв на место, *чжухоу* закладывал жертвенник в знак неразрывной связи его с Сыном Неба.

Именно этот ритуал я положил в основу стихотворения.

В «И цзин» – «Книге Перемен» – в афоризме к 3-ей черте 13-ой гексаграммы, которая называется «Единомышленники» сказано: *«Спрячь оружие в зарослях и поднимись на высокий холм»*. В афоризме ко всей гексаграмме целиком говорится: *«Благоприятен брод через великую реку»*, то есть можно совершать великие дела, и *«Благоприятна благородному человеку стойкость»*, то есть для таких дел нужна стойкость, исполненная благородства. В конце моего стихотворения я говорю о том, что, к сожалению, эта

благоприятная ситуация не продлится долго, что вполне в духе «Книги Перемен»: ничто не постоянно: за подъёмом следует упадок, за богатством – разорение, за миром – война.

Кстати в названии ЧУН ЦЮ слово ЦЮ–ХОЛМ записывается тем же иероглифом, что имя Конфуция – ЦЮ. Сыма Цянь пишет (том 6, глава 47): «Когда Конфуций родился, у него на макушке головы обнаружили выпуклость и поэтому его назвали Цю («Холм»)). Но этот замечательный факт я не мог использовать в стихотворении, потому что песни «Ши цзин» были созданы до Конфуция.

ВЫСОКИЙ ХОЛМ.

Малые оды 2-6. 崇丘(CHONG QIU)(ЧУН ЦЮ)

35 строк, 4-стопный анапест

1

На высоком холме пожелтела трава,
Там лежат груды старых костей,
А над ними безбрежных небес синева.
Здесь когда-то наш царь, утверждает молва,
Принимал благородных гостей.

2

Высоко-высоко в небесах синева.
На высоком холме пожелтела трава,
А на западном склоне как яшма бела,
Прорастает она среди старых камней.
Был бесстрашнее тигра князь диких степей,
Его клятва прочнее железа была.

3

Высоко-высоко в небесах синева.
На высоком холме пожелтела трава,
А на северном склоне как туча черна,
Как неистово в землю вцепившийся дождь.
Черепahi мудрее был северный вождь.
Его клятва как жертва чиста и верна.

4

Высоко-высоко в небесах синева.
На высоком холме пожелтела трава,
А с восточного края она зелена,
Шелковистою тканью окутала склон.
Князь восточных уделов силён как дракон.
Как могучий сандал его клятва сильна.

5

Высоко-высоко в небесах синева.
На высоком холме пожелтела трава,
А на юге краснеет как след от меча,
Что узоры свои по земле рисовал.
Словно феникс взлетающий южный вассал.
Его клятва как пламя огня горяча.

6

Высоко-высоко небо синее кружит.
Покорились князья и сложили оружие.
На высокий на холм поднимался наш царь.
И великое счастье вернулось, как встарь.
Но, увы, ненадолго. Поникла трава.
Снова будет война, утверждает молва.

Шестое стихотворение – это 8-ое стихотворение 2-го раздела Малых Од. Оно называется «Ю И» – «СЛЕДУЯ ПРАВИЛАМ». Используемый здесь иероглиф «И» многозначен; главные его значения – это правила поведения, этикет, ритуал. В других песнях «Ши цзин» он означает: достойный вид; важную, достойную осанку; достоинство; величавость; величие; отсутствие вины; учтивость; долг; закон; правило; обряд; образец; надлежащее поведение.

Стихотворение написано как речь советника, обращённая к князю, как обличение и увещание. Эта тема весьма популярная в «Ши цзин». В Малых Одах она, по моим подсчётам, даже популярнее славословий правителю.

Китайская идеология требовала от благородного мужа, по-китайски, *цзюнь-цзы*, обязательного участия в управлении страной. Он должен был состоять на службе и подавать правителю мудрые советы. Как говорил Конфуций (Лунь Юй, 8:14), «Если не находишься на службе, нечего рассуждать о государственных делах».

От сановника же требовалась не только преданность царю, но ему прямо вменялось в обязанность критиковать, увещать и даже обличать правителя, если тот ведёт себя не надлежащим образом или неправильно управляет страной.

При этом китайцы считали, что основа правильного управления – это добродетели правителя. Чтобы идти самому и вести за собой страну по правильному пути, по-китайски, Дао, нужно обладать высокими моральными качествами, по-китайски, Дэ. Великая книга Лао-цзы так и называлась «Дао Дэ цзин». Поэтому в первую очередь объектом критики становились не столько указы и распоряжения правителя, сколько его нравственные качества.

Более того, если оказывалось, что царь «лишён Дэ», если он не прислушивается к советам, и не желает исправиться, благородному мужу рекомендовалось покинуть двор, пусть даже

притворившись глупцом, лишь бы не участвовать в жизни погрязшего в несправедности двора. Конфуций так хвалил одного человека (Лунь Юй, 5:20): *"Когда в государстве дела шли хорошо [то есть царь прислушивался к мудрым советам], он проявлял мудрость; когда же дела шли плохо, проявлял глупость. С его мудростью могла сравняться мудрость других, но с его глупостью ничья глупость не могла сравняться"*.

И последнее замечание. Оно касается способов принятия важнейших государственных решений. В древнекитайской Книге Истории – ШАН ШУ, входящей вместе с Книгой Песен и Книгой Перемен в конфуцианское пятикнижие, в главе ХУН ФАНЬ – Величественный образец – есть седьмой раздел, который называется "Об использовании сомнений". Он содержит описание процедуры своеобразного древнего "референдума" для принятия важных государственных решений и способу "подсчета голосов". Источников принятия решений было пять: 1) намерение самого правителя, 2) советы чиновников и сановников, 3) желания многочисленного народа, а также воля Неба, определяемая двумя гаданиями: древнейшим гаданием по костям и панцирям черепах и более молодое гадание по стеблям тысячелистника, то есть по Книге Перемен.

Понятно, что при полном единодушии, будет счастье. Если Небо противодействует, нужно отказаться от активных действий. Но воля Неба может быть и противоречива, например, гадание на черепаших щитах поддерживает решение правителя, а гадание на стеблях тысячелистника идёт ему наперекор. Тогда, если знать и народ не поддерживают правителя, ему нельзя вести войны, а следует сосредоточиться на внутренних проблемах страны.

СЛЕДУЯ ПРАВИЛАМ.

Малые оды 2-8. 由儀(YOU YI) (Ю И)

42 строки, 4-стопный дактиль

1

Как Хуанхэ широка, полноводна!
Мчится по волнам челнок быстроходный.
Следует правилам муж благородный.
Вы же, мой князь, не желаете знать,
Как полагается Вам поступать.
Образ правления Ваш сумасбродный
Нужно как можно скорей исправлять.

2

Земли в долинах реки плодородны.
Мчится и мчится челнок быстроходный.
Следует правилам муж благородный.
Вы же, мой князь, не хотите понять,
Вам бы всё время лишь пить-пировать.
Как же страдает народ Ваш голодный!
Сколько же можно его обирать!

3

Как Хуанхэ глубока, полноводна!
Мчится свободно челнок быстроходный.
Следует правилам муж благородный.
Вы же, мой князь, не хотите искать
Правильный путь, Вам бы только карать.
Ширится, ширится ропот народный,
Люди боятся и слова сказать.

4

В заводях тихих река мелководна.
Там отдыхает челнок быстроходный.
Следует правилам муж благородный.
Вы же, мой князь, собрались воевать.
С Вами ли Небо, народ Ваш и знать?

Ваши войска для войны непригодны,
Вам бы те земли, что есть, удержать.

5

Грозен разлив Хуанхэ ежегодный.
Крутит и вертит челнок быстроходный.
Следует правилам муж благородный.
Вы же, мой князь, стали пренебрегать
Жертвами предкам. Как это понять?
Вы же не западный варвар безродный.
Можно ли кары небес избежать?

6

Следует правилам муж благородный,
Неба страшась – не воды, не огня.
Вам же, мой князь, моя речь неужодна,
Вы не желаете слушать меня.
Что делать лодке в пустыне безводной?
Должен покинуть Вас муж благородный,
Правильный путь в своём сердце храня.